

— Уцзю, Уцзю... Младший брат... Ну же, очнись...

Едва Лянь Уцзю принудительно выбросило из Мира Хаоса, как в то же мгновение до его слуха долетел знакомый, до боли родной голос. Он попытался откликнуться, но пересохшее горло не издало ни звука. Разум прояснился, мысли текли четко и гладко, но веки казались налитыми свинцом — открыть глаза никак не получалось.

«Как же хочется открыть глаза... Успокоить учителя, сказать братьям, что всё хорошо. Рассказать им обо всем, что я повидал и узнал за это время. Прежде я только и делал, что слушал их истории, теперь моя очередь делиться...»

— Рас... рас... рассказать... — едва слышно прошептал он.

— Уцзю? Что ты там лепечешь? А ну живо вставай! — зычно, с притворным раздражением рявкнул мужчина над самым его ухом.

Лянь Уцзю на постели испуганно вздрогнул, затрепетал веками.

— Всё притворяешься? — не унимался тот. — Подъем, негодник!

Он бесцеремонно впился пальцами в щеку юноши, безжалостно ее оттягивая. Наконец Лянь Уцзю, жмурясь от выступивших слез, со стоном приподнялся на локтях и возмущенно уставился на обидчика:

— Старший брат! Прекрати! Еще раз ущипнешь — и я расскажу всем, как ты ходил в публичный дом... Ай!

— А ты попробуй, Расскажи! Ишь, отлежал бока, кожа на лице совсем огрубела! — хохотнул Вань Гэнлян, ловко ткнув пальцем в акупунктурную точку на плече младшего, отчего у того мгновенно онемела рука.

Дверь с грохотом распахнулась от пинка, и в комнату заглянул еще один мужчина. Окинув взглядом потасовку на кровати, он прищурился и мягко рассмеялся:

— Едва очнулся, а уже устраиваешь балаган... Ладно вам. Младший, учитель ждет тебя для разговора. Старший брат, ты с нами или как?

Услышав это, Вань Гэнлян тут же убрал руку и отступил:

— Ну уж нет, я пас! Уцзю, кончай возиться, поторапливайся. Не заставляй учителя ждать!

— Второй брат... — Лянь Уцзю слабо улыбнулся Чжань Цюяню. — Сколько же мы не виделись...

— Еще бы, — усмехнулся тот. — Ты ведь провалялся без чувств целый год.

— Год?.. — округлил глаза Лянь Уцзю. — Так долго?

— Да. И мы живем здесь уже год. Иди скорее к учителю, он сам тебе всё объяснит.

— Хорошо.

Лянь Уцзю быстро натянул повседневные одежды и поспешил на улицу.

Переступив порог, юноша застыл в полнейшем замешательстве. Теперь стало ясно, почему комната показалась ему чужой. Это была вовсе не родная Гора Облаков и Туманов. Насколько хватало глаз, простиралась густая, непроходимая чаща, окутанная ледяным дыханием стужи. Безмолвный морозный пейзаж до боли напоминал те места, где он лишился чувств.

— Это Затерянный лес... — раздался дребезжащий старческий голос.

Перед Лянь Уцзю бесшумно, словно из ниоткуда, соткалась белая фигура. Юноша, даже не глядя, почтительно опустил на колени:

— Учитель.

— Встань... Давненько же мы не виделись. Твоя душа унеслась в неописуемо далекие края... Поведай мне о своем странствии.

Старец с белоснежной бородой и волосами, облаченный в такие же белые одежды, стоял посреди посеребренного инеем леса и казался его неотъемлемой частью — не разглядеть, не отыскать границ.

Лянь Уцзю скромно присел на поваленный ствол позади наставника и тихо спросил:

— Учитель... вы знаете, где я побывал?

Старец со вздохом покачал головой:

— Моё искусство прорицания не столь всесильно. Когда я отыскал этот рубеж, то сразу понял, что разум твой блуждает далеко отсюда. Весь этот год, пока ты спал, я не раз пытался заглянуть в твои сны. Видения в зеркале души двоились и расплывались, но одно я знаю точно: место то непростое. К тому же этот лес... войти в него можно, а вот обратного пути нет.

Странное, на редкость загадочное место...

— Даже вы, учитель, не можете выбраться? — Лянь Уцзю застыл от изумления. Неужели они оказались заперты в этой ловушке из-за него?

— Да. Какие бы способы я ни пробовал, всё тщетно. Твои старший и второй братья безвылазно живут здесь целый год. Лишь Третьему брату я строго-настрого запретил соваться сюда. Но теперь, когда ты очнулся, тревожиться не о чем. Жить здесь вполне можно, для уединенного самосовершенствования место идеальное. Жаль только, что из-за меня вам троим пришлось терпеть лишения.

— Но как вы нашли меня? Я ведь специально бежал в эту глушь, чтобы те преследователи не вышли к нашей горе...

— Хех, неужели ты думал утаить свои помыслы от учителя? — старик усмехнулся. — Зато теперь, когда мы отрезаны от мира, здесь царит покой. Бури боевого мира больше не коснутся вас. И нечего грезить о том, как прекрасна и удивительна жизнь за пределами этих зарослей!

С этими словами на плечо старца плавно опустился крупный горный орел — верный спутник, сопровождавший его уже долгие годы.

— Да, учитель.

— Понимаешь ли ты, каким образом покинул это место?

— Нет, учитель, не знаю.

— А видишь ли узор тайных законов, коим подчинен этот лес?

— Не вижу... — Лянь Уцзю виновато опустил голову, заранее готовясь к неминуемому наставлению.

— Эх, обделили же небеса тебя природным чутьем к сокровенному... — вздохнул старик. — Что ж, слушай внимательно и запоминай. И смотри не вздумай зевать!

— Ученик не посмеет.

Так они и сидели у порога: один говорил, другой слушал. Старец неторопливо, со всеми подробностями излагал ученику учение об инь и ян, о круговороте пяти стихий, раскрывая тайную суть аномалий Затерянного леса. Беседа их затянулась, незаметно перетекая из одних суток в другие.

Наблюдавшие за ними из окна старшие братья то вздыхали, то тихонько посмеивались. Вздыхали они оттого, что упрямый старик всё никак не желал признать поражение, а смеялись над безнадежностью своего младшего. Их учителя в народе величали не иначе как Полубогом — не существовало в Поднебесной тайн, закрытых для его взора, и даже истинный его возраст оставался загадкой. Принимая учеников, он прежде всего ценил гибкость ума и природный талант. Всего у него было четверо преемников, и каждый безупречно овладел законами инь-ян, пяти стихий и искусством читать по звездам.

Исключением стал лишь Лянь Уцзю.

Сколько бы наставник ни бился над младшим, тот не понимал ровным счетом ничего. Зато целыми днями пропадал среди аптекарских ступок и сушеных трав. Способности к врачеванию у него и впрямь были незаурядными, вот только главная сила наставника крылась вовсе не в алхимии. Медицинские трактаты старик держал лишь для общего развития, однако именно их Лянь Уцзю изучил до последнего иероглифа. Всё, что надлежало перенять от учителя, он благополучно пропустил мимо ушей, а в сугубо прикладном ремесле превзошел всех. Как тут мастеру не сердиться?

И все же именно младшего наставник любил больше всех. Их связывали узы куда более прочные, нежели простой долг перед учителем — они были словно отец и сын. Лянь Уцзю рано остался круглой сиротой: в его родных краях вспыхнула моровая язва, унесшая жизни всех односельчан. Мальчик выжил чудом. Оказавшийся поблизости старец подобрал истощенного ребенка и вырастил его собственными руками, согревая отцовским теплом. Неудивительно, что они были так близки. Случись беда с кем-то из старших братьев, старик вряд ли бросился бы лично вызволять их из дебрей Затерянного леса!

Сумерки сменялись рассветами, день уступал место ночи, но учитель не знал усталости, увлеченно продолжая свой монолог. Лянь Уцзю тем временем всё глубже погружался в сон. Он благообразно прикрыл глаза, мерно покачивал головой и в такт словам послушно угукал, хотя на самом деле уже давно видел десятый сон.

— Учитель, пощадите его, — раздался сочувствующий голос Чжань Цюяня. Второй брат подошел ближе и легонько щелкнул сонного ученика по лбу. — Если вы продолжите, он себе шею сломает от постоянных кивков.

Лянь Уцзю испуганно вздрогнул, мгновенно вскочил на ноги и вытянулся в струнку:

— Да, учитель!

— Сперва слюни утри, — прыснул со смеху Чжань Цюянь.

Вань Гэнлянь поспешил под локоть приподнять наставника, который стремительно мрачнел от гнева:

— Учитель, не гневайтесь. Наш младший таков с малых лет, не стоит тратить на него душевные силы. Хе-хе.

Старик тяжело вздохнул и досадливо махнул рукой:

— Ладно, пустая трата слов. Лучше скажи мне, то место, где ты блуждал... сильно ли оно отличается от нашего мира? Жить там можно?

— Да в общем-то не особо отличается... — Лянь Уцзю замялся, подбирая слова. — Хотя сказать трудно. Вы и сами видите, что во плоти туда не попасть. Тамошние жители называют это... как-то вроде «мозговых волн» и «системы»... На самом деле я очутился там совершенно случайно. И сейчас даже не знаю, смогу ли вернуться обратно.

Старик снисходительно улыбнулся:

— Мне ведом способ, которым ты туда проник. Но поскольку природа тех краев оставалась для меня загадкой, я не решался следовать за тобой. Вдруг мы разгневали бы тамошних могущественных небожителей? Скажи, Уцзю, обитают ли там боги?

— Пожалуй, нет...

Лянь Уцзю вспомнил слова Су Линцзюня. Тот ведь говорил, что никаких богов не существует, а человек сам волен вершить свою судьбу, подобно божеству.

— Вот как... — в голосе старца смешались разочарование и облегчение. Помолчав, он добавил: — Я всё обдумал. Оставлять земную оболочку без присмотра нельзя. На сей раз я отправлюсь вместе с тобой, а Цюянь и Гэнлянь останутся здесь охранять наши тела.

— Слушаюсь, учитель. Но... вы позабыли кое о ком.

Старик на миг нахмурился и посуровел:

— Верно. Тебе стоит взглянуть на него. Может, признаешь знакомца? Когда я отыскал тебя в лесу, этот человек лежал без сознания бок о бок с тобой. Подозреваю, он проделал тот же путь в иные миры. Только вот натура у него скользкая — ни праведник, ни злодей. Я спас ему жизнь, а он в ответ ни слова не проронил. Сейчас он ютится в соседней хижине.

Они направились к соседнему строению. С каждым шагом на душе у Лянь Уцзю становилось всё тревожнее. Предчувствие чего-то скверного холодной змейкой вползало в грудь.

— Чжоу Чжэнъи?!

Лянь Уцзю неверяще уставился на человека в хижине. Лицо этого мерзавца он не забыл бы никогда — шпион так называемых праведных орденов, который сеял грязные слухи и пытался его подставить!

Чжоу Чжэнъи, судя по всему, только-только проснулся. Он сонно шурился, но, разглядев незваных гостей, мгновенно подобрался. На его лице отразилось привычное высокомерие, и он пренебрежительно усмехнулся:

— Старик, тебе опять чего-то надобно от меня?

— Как ты разговариваешь с учителем, паршивец! — взревел оскорбленный до глубины души Вань Гэнлянь.

Удерживая рвущегося в драку старшего брата за рукав, Лянь Уцзю шагнул вперед:

— Какими судьбами ты здесь оказался?

Чжоу Чжэнъи злорадно ухмыльнулся:

— А что, эти земли принадлежат тебе? Хм! Скажи спасибо своим хваленым праведникам. Трусливые и алчные псы! Позарились на твои снадобья, да только войти в этот проклятый лес духу не хватило. Вот и пустили меня, несчастного, впереди себя как пушечное мясо. Так что проваливайте и не мешайте мне спать. А если жаждешь поквитаться — милости прошу, я всегда готов.

Лянь Уцзю молчал, пристально вглядываясь в его черты. Наконец он тихо спросил:

— Так ты из Демонического культа?

— Надо же, додумался наконец. Поздно спохватился, — хмыкнул Чжоу Чжэнъи.

— Твое лицо... Это ведь маскировка.

— Ну разумеется. Только вот являть вам свой истинный облик я пока не намерен. Разве что вы решите навалиться гурьбой и забить меня до смерти.

Лянь Уцзю промолчал.

— Если у вас всё, то проваливайте. Я спать хочу.

— Слышал ли ты о Мире Хаоса? — напоследок спросил Лянь Уцзю.

Чжоу Чжэнъи на мгновение замер, но тут же осклабился:

— Естественно. Хотя я и служу Демоническому культу, но прелести этой забавы вкусить успел.

— Вот как...

Едва за незванными гостями затворилась дверь, Чжоу Чжэнъи помрачнел. Он бесшумно поднялся с постели, скользнул к окну и единым гибким движением выпрыгнул наружу, мгновенно растворившись в густых зарослях морозного леса.

<http://bllate.org/book/18276/1759864>